
Консерватизм в России: политтехнологический симулякр или исторический выбор?



Леонид Поляков
Декабрь 2015

Russie.Nei.Visions – серия электронных публикаций, посвященных изучению России и других новых независимых государств на постсоветском пространстве (Белоруссии, Украины, Молдовы, Армении, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана). Статьи, подготовленные ведущими экспертами, посвящены актуальным стратегическим, политическим и экономическим проблемам.

Статьи отвечают стандартам качества ИФРИ в области редактирования и анонимной экспертной оценки.

Если Вы хотите получать информацию о следующих выпусках, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: campagne@ifri.org

Последние публикации

– Тимофеев И., Алексеенкова Е., «Евразийское направление внешней политики России: интересы, возможности и ограничения», *Russie.Nei.Visions*, №89, декабрь 2015

– Бунин И., Макаркин А., «Россия: государство и бизнес», *Russie.Nei.Visions*, №88, ноябрь 2015.

– Коростиков М., «Уйти, чтобы вернуться: российские чиновники и госкомпании», *Russie.Nei.Visions*, №87, август 2015.

Об авторе

Поляков Леонид Владимирович – доктор философских наук, профессор Департамента политической науки факультета социальных наук Национального Исследовательского Университета – «Высшая школа экономики» (Москва). Член Экспертного Совета Фонда «Институт социально-экономических и политических исследований» (ИСЭПИ, Москва). Председатель редакционного совета журнала «Тетради по консерватизму».

Среди его недавних публикаций:

- Электоральный авторитаризм и российский случай // ПОЛИТИЯ. Анализ. Хроника. Прогноз. 2015, №2, с. 6-20.
- Закат плебисцитарной демократии? // ПОЛИС (Политические исследования). 2014, №2, с.179-184.
- Российский консерватизм: вызовы и ответы. Препринт. Высшая школа экономики. Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ». 2014.

Содержание

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПУТИНА	6
СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ	9
КУДА ВЕДЕТ «КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОВОРОТ»?	15

Краткое содержание

Третий срок президента Владимира Путина проходит под знаменем так называемого «консервативного поворота». Означает ли это, что российские власти наконец-то идейно определились и выбрали консерватизм в качестве своей официальной (но не государственной) идеологии с долгосрочными последствиями для внутренней политики и внешнеполитического курса? Или же обращение к консерватизму является лишь очередным политтехнологическим приемом Кремля, решающим свои собственные проблемы (борьба с либеральной оппозицией, повышение легитимности режима и т.д.)?

В экспертной литературе как российской, так и зарубежной представлены обе точки зрения. В данной статье предпринята попытка учесть аргументы обеих сторон, но при этом высказывается предположение о том, что «консервативный поворот» – это нечто большее, чем очередная политтехнология Кремля. И даже если российская власть решает с его помощью какие-то сиюминутные задачи, само по себе обращение к консерватизму предоставляет новые потенциальные возможности для выстраивания долгосрочной стратегии.

В аспекте внутренней политики консерватизм как мета-нарратив может оказаться продолжением более раннего дискурса «суверенной демократии», а так же послужить цементирующей идеологией для российского федерализма. Во внешней политике консервативная Россия может оказаться более желанным партнером не только для европейских правых, но и для стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Что существенно при ясно обозначенном в последнее время «повороте на Восток» российского внешнеполитического курса.

Введение

Отношения России и Запада после начала украинского кризиса, воссоединения («аннексии» в интерпретации Запада) Крыма и Севастополя с Россией и событий на Юго-Востоке Украины вошли в период, который можно назвать постсоветской «холодной войной». Обе стороны непримиримы в отстаивании своей правоты, обе ссылаются на собственную интерпретацию норм и принципов международного права. Это противостояние длится уже более полутора лет и имеет очень слабые шансы на завершение в ближайшей перспективе. Во всяком случае на условиях Запада, применившего в отношении России комбинированный набор персональных, секторальных и даже территориальных (затрагивающих население Крыма и Севастополя) санкций в совокупности с политическим, дипломатическим и информационным давлением, очевидно, в надежде на перемену российского курса, а возможно даже на смену режима.

В ситуации с Крымом и Севастополем, а так же в своей стратегии поддержки украинского Юго-Востока Россия сделала вполне осознанный и необратимый выбор. В значительной степени это стало возможным еще и потому, что в начале 10-х годов XXI века в стране началась морально-политическая консолидация на основе широко разделяемых консервативных ценностей. И как раз значительно большая идеологическая определенность позволила российской политической элите практически единодушно отреагировать на события на киевском Майдане и поддержать внутривнутриполитический и внешнеполитический курс президента Владимира Путина в самой острой фазе украинского кризиса.

Это не значит, что все российские политики и абсолютное большинство россиян вдруг стали консерваторами. Но это означает лишь, что консерватизм оказался той удобной площадкой крайне востребованного общенационального идейно-политического компромисса, без наличия которой вся мировая история после начала украинского кризиса могла бы пойти по-другому. Задача этой статьи – попытаться понять природу российского «консервативного поворота», его причины и последствия, как для самой России, так и для международного сообщества.

Идентификация Путина

Третий президентский срок Владимира Путина ознаменовался заметным идеологическим поворотом в сторону консерватизма. Консерватизм, являвшийся ранее официальной идеологией правящей партии «Единая Россия» (или «социальный консерватизм» в интерпретации одного из ведущих идеологов единороссов Андрея Исаева)¹, и в настоящее время фактически исчезнувший из официальных партийных документов, получил санкцию с самого верха российской власти. В одном из интервью 2013 г. Владимир Путин, ранее принципиально избегавший любых идеологических идентификаций², охарактеризовал себя следующим образом:

«Я думаю, что вполне можно сказать, что я *прагматик с консервативным уклоном*. [...] [К]онсерватизм – это совсем не значит застой. Консерватизм – это значит опора на традиционные ценности, но с обязательным элементом, нацеленным на развитие. Вот это, мне кажется, абсолютно принципиальная вещь. И, как правило, в мире, почти во всех странах, складывается ситуация так, что консерваторы накапливают ресурсы, накапливают средства, возможности для экономического роста. Потом приходят революционеры, все это быстро делят так или иначе. Но революционеры – условно, это могут быть просто представители левых движений, левых партий или действительно радикальные люди, – потом все быстро делят, всем это нравится. Потом наступает период разочарования: оказывается, все уже

¹ «Российский консерватизм» стал официальной идеологией «Единой России» // РИА Новости. 21 ноября 2009, <<http://ria.ru/politics/20091121/194856090.html>>. Нужно отметить, что помимо социально-консервативной «платформы», которую возглавляет А. Исаев, в «Единой России» существует и либерально-консервативная платформа, которую возглавляет В. Плигин – <<http://er.ru/news/80493/>>.

² «Русский националист» Дмитрий Медведев // <[Inosmi.ru](http://inosmi.ru)>. 10 марта 2008, <<http://inosmi.ru/world/20080310/240115.html>>. Пожалуй, единственным исключением является разговор В. Путина с А. Меркель 8 марта 2008 г., когда он заявил буквально следующее: «Дмитрий Медведев будет свободен от того, чтобы доказывать свои либеральные взгляды, – заявил тогда Владимир Путин. Но он не меньше, в хорошем смысле слова, *русский националист*, чем я, и нашим партнерам с ним будет работать не проще. Он будет самым активным образом отстаивать интересы Российской Федерации». Да и то в этом случае президент, похоже, пошел на сознательную смысловую игру, в которой определение «русский националист» использовано лишь как эмоциональный синоним для «патриотизма».

съедено и испорчено, и надо бы опять зарабатывать. Люди это осознают и опять зовут консерваторов. Они опять впрягаются, начинают работать, опять чего-то накапливать, потом им опять говорят: ладно, хватит уже, накопили, достаточно, пора делить. Вот такой круговорот в политике постоянный»³.

Из этой автохарактеристики российского президента можно сделать двойственный вывод, обозначив его позицию либо как «консервативный прагматизм», либо как «прагматический консерватизм». Вопрос именно в том, что в данном словосочетании выступает в качестве существительного, а что – в качестве прилагательного. Его собственная «грамматология» данного сюжета подталкивает к тому, чтобы признать первенство и сущностную приоритетность именно определения «прагматик». Путин поначалу действительно называет себя именно «прагматиком с консервативным уклоном». Однако далее, раскрывая смысл своего понимания консерватизма, он фактически определяет его как развернутую политическую философию, которая позволяет сделать два ключевых прагматических вывода.

Во-первых, консерватизм понимается как формула политического курса, основным принципом которого является развитие с опорой на традиционные (они же – консервативные) ценности⁴. Во-вторых, консерватизм (в полном соответствии с определением этой политической идеологии, данным С. Хантингтоном⁵) понимается как принципиальный оппонент всякого – но в основном, левого – радикализма. То есть как позиция, легитимированная *простой житейской мудростью*: прежде, чем что-то тратить, нужно что-то создать и накопить. И, «прежде чем ломать что-то, на чем достигнут сегодняшний уровень развития, нужно понять,

³ Интервью Первому каналу и агентству Ассошиэтед Пресс // <Kremlin.ru>. 4 сентября 2013, <<http://kremlin.ru/events/president/news/19143>>.

⁴ Как отметил В. Путин в ходе одной из дискуссий «Валдайского клуба» в 2014 г.: «чтобы общество существовало, нужно поддерживать элементарные вещи, которые человечеством выработаны в течение столетий: это бережное отношение к материнству и детству, это бережное отношение к своей собственной истории, к ее достижениям, бережное отношение к нашим традициям и традиционным религиям»: Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // <Kremlin.ru>. 24 октября 2014, <<http://kremlin.ru/events/president/news/46860>>. В другом выступлении Президента понятие консервативных ценностей было еще более расширено: «Добросовестный труд, частная собственность, свобода предпринимательства – это такие же базовые, консервативные, подчеркну, ценности». Послание Президента Федеральному Собранию // <Kremlin.ru>. 4 декабря 2014, <www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/47173>.

⁵ Huntington S. P., Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. №51, 1957.

как работают новые механизмы. Это чрезвычайно важная вещь»⁶.

Как можно понять из приведенных автохарактеристик и разъяснений Владимира Путина, для него лично консерватизм является вполне органичной мировоззренческой, философской, моральной платформой. Именно на ней он базировал свою избирательную кампанию зимы 2011-2012 гг. и именно ее он положил в основание своей стратегии национального развития до 2025 г., предложенной российскому обществу в виде так называемых «майских указов» 2012 г. Возникает вопрос: насколько такая личная консервативная идентификация президента способна повлиять на превращение консерватизма в некую – если не государственную (что запрещено статьей 13 Конституции РФ), то в официальную и шире – национальную идеологию на данном этапе национального развития и в конкретном внешнеполитическом контексте? Иными словами: является ли нынешний российский «консервативный поворот» неким *ad hoc* придуманным политтехнологическим инструментом (или как принято говорить в современной России – «пиар ходом»), дающим результат в краткосрочном режиме, но бесполезным (или даже вредным) в перспективе средне- и долгосрочной? Или же этот поворот не случаен и был подготовлен предшествующей культурно-исторической и философско-политической российской традицией, и поэтому задает внутри- и внешнеполитический курс России, как говорил в свое время о власти большевиков Владимир Ленин – «всерьез и надолго»?

⁶ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // <Kremlin.ru>. 24 октября 2014, <<http://kremlin.ru/events/president/news/46860>>.

Столкновение интерпретаций

Для многих отечественных и зарубежных экспертов, российский президент является «либеральным консерватором»⁷. Один из ведущих британских специалистов по современной российской политике Ричард Саква отмечал, что «путинский центризм» как воплощение особого «третьего пути» России, «основывается на традиции либерального консерватизма», заложенной такими видными философами русской первой эмиграции как Петр Струве и Семен Франк⁸.

Канадский исследователь Пол Робинсон так же обосновывает тезис, согласно которому «Путин хорошо вписывается в давнюю российскую традицию «либерального консерватизма»). И на этом основании он приходит к такому общему выводу:

«Но вопрос здесь не в том, является ли либеральный консерватизм правильным выбором для России. Скорее проблема в том, что Запад не смог понять суть этой идеологии. У Путина есть ясное представление о сильном, централизованном, основанном на праве государстве с определенными и ограниченными полномочиями, вполне в духе исконно российской школы мысли. Наши отношения с Россией улучшились бы существенно, если бы мы признали и приняли эту реальность, а не боролись с неуместной карикатурой полицейского государства»⁹.

В дальнейшем эту точку зрения поддержал и дополнительно обосновал американский исследователь Пол Гренье, специально указавший на то, что идейным прототипом Владимира Путина можно считать одного из самых значительных философов русской эмиграции XX века Ивана Ильина, который как раз и воплощает в себе тип «либерального консерватора»¹⁰.

⁷ К их числу относится и автор данной статьи, См. *Поляков Л.*, Либеральный консерватор. Именно таким представляется Владимир Путин, судя по его заявлениям // Независимая газета. 2 февраля 2000, стр. 8, «Идеи и люди».

⁸ *Саква Р.*, Путин. Выбор России // М.: ОЛМА ПРЕСС. 2006, с. 150 (перевод с английского издания: Richard Sakwa, «Putin. Russia's Choice», 2004).

⁹ *Robinson P.*, Putin's Philosophy // The American Conservative. 28 марта 2012, <www.theamericanconservative.com/articles/putins-philosophy/>.

¹⁰ *Grenier P.*, A Conservative Russia? This Means War! (The Tragedy of American Ideology) // Johnson's Russia List. 24 марта 2015, <<http://russialist.org/paul-grenier-a-conservative-russia-this-means-war-the-tragedy-of-american-ideology/>>.

Однако ряд экспертов не разделяют подобный подход и настаивают на том, что современный российский «консервативный поворот» на самом деле – это всего лишь инструмент чисто конъюнктурной кремлевской политики. Одной из первых эту точку зрения сформулировала Марлен Ларюэльль:

«Этот консервативный поворот не претендует на то, чтобы видоизменить российское общество. Это идеология с минимальными издержками, нацеленная на консервативное большинство и надеющаяся создать новое пространство деполитизированного консенсуса. И при этом обладающая тем дополнительным преимуществом, что она предлагает стране новые возможности в смысле международного бренда»¹¹.

Согласно аргументации автора, в пользу этого выбора говорят три аргумента. Во-первых, базовый набор высшей политической элиты, обозначаемой общим именем «Кремль», остается неизменным. Это – прагматизм во внутренней политике, *Realpolitik* – в политике международной, наряду с «нигилистическим кредо, утверждающим цинизм, патронизм и консьюмеризм». В дополнение к этой базовой триаде консерватизм потребовался как некая идеологическая «прибавочная стоимость», долженствующая укрепить снижающуюся легитимность режима.

Во-вторых, в отличие от неизменного режима, российское общество сильно изменилось. Появилось активное либеральное меньшинство, претендующее на полноценное участие во власти. Ему нужно было противопоставить нечто идеологически равноценное. Консерватизм, обращенный к массе, сыграл эту роль. Но проблема в том, что он отнюдь не разделяется российскими элитами. И более того, раньше Кремль поддерживал общий консенсус с помощью апелляции к имплицитному патриотизму, но на этом пути возникала угроза его перехода в эксплицитный национализм. А это – прямая угроза развала многонациональной и многоконфессиональной страны. Отсюда – обращение к эксплицитному «моральному консерватизму», который, как предполагается, призван укрепить статус кво.

В-третьих, Путин и его ближний круг, настаивает М. Ларюэльль, используют консерватизм для того, чтобы заработать очки во внешней политике, критикуя США и европейские элиты как не отражающие мнение собственного консервативного большинства. В этом аспекте российский внешнеполитический дискурс ничем не отличается от того, что

¹¹ *Laruelle M.*, Conservatism as the Kremlin's New Toolkit: an Ideology at the Lowest Cost // Russian Analytical Digest. №138, 8 ноября 2013, <www.css.ethz.ch/publications/DetailansichtPubDB_EN?rec_id=2759>.

говорят консервативные республиканцы и сторонники Партии Чаепития (TEA Party) в США и европейские правые. Исследовательница признает, что ответом на такое позиционирование России становится нарастающая «руссофилия» в европейских правых кругах. Прогноз М.Ларюэлль таков:

«Попытки Кремля придумать более разработанную идеологию по всей вероятности обречены на провал (...). Лишь моральный консерватизм может стать более проявленным с благоприятным эффектом. Он присущ молчаливому большинству, чтит общественные иерархии, не ставит под вопрос легитимность Кремля, клеймит сексуальные меньшинства, которые менее опасны, нежели меньшинства этнические и не несет в себе дестабилизирующий потенциал. И в отличие от национализма, который может быть одновременно и мыслью (идеология) и практикой (стратегии общественного действия и насилие), моральный консерватизм является прежде всего мета-нарративом. Его провозглашение не влечет за собой глубокого воздействия на социальные практики¹²».

Утверждая, что нынешний «консервативный поворот» в России является чисто инструментальным и что моральный консерватизм не может и не будет претендовать на статус идеологически заряженного социально-реформистского проекта, М.Ларюэлль как бы разоблачает «тайный замысел» Кремля. Но, на самом деле она лишь повторяет на примере российского случая то, что еще в 1957 г. сформулировал С.Хантингтон¹³. Консерватизм как политическая идеология в отличие от таких своих «идеационных» (ideational) конкурентов как либерализм и коммунизм, в принципе не предлагает обществу никакого идеального проекта. Консерватизм – позиционная идеология, *защищающая* наличный институциональный дизайн от попыток его радикально изменить или сломать.

Именно поэтому нельзя требовать от того консерватизма, который возникает и укрепляется в современной России, амбициозной претензии на абсолютное идеологическое лидерство, а тем более – на идеологическую монополию. Квалификация современного российского консерватизма как «метанарратива» основательно отличает подход М.Ларюэлль от попытки представить нынешнюю ситуацию как очередной рецидив знаменитой «Потемкинской деревни». Польские авторы, Витольд Родкевич и Ядвига Рогоза, повторяя во многом тезисы М.Ларюэлль, добавляют собственные еще более «жесткие» выводы относительно

¹² Ibid., p.4.

¹³ Huntington S. P., Op. cit. [5].

природы и целей современного российского «консервативного поворота». Они утверждают, что

«На деле Кремль использовал свою собственную консервативную идеологию чисто инструментальным способом. Его обращение к консерватизму было нацелено исключительно на то, чтобы повысить легитимность режима ссылкой на то, что это отражает российскую традицию. При том, что истинным намерением Кремля является поддержание сильной централизованной государственной власти, консервативная социальная и моральная риторика фактически использовалась как еще одна «политическая технология», т.е. как инструмент манипулирования российским и международным общественным мнением. Обращение к этой идеологии не означает ни того, что нынешние правители России действительно являются приверженцами консервативных ценностей, ни того, что у них есть долгосрочная программа ее внедрения. Фактически мы имеем дело с очередной разновидностью «Потемкинской деревни», целью которой является отвлечение общественного внимания от реальных социально-политических и экономических проблем и обеспечение властей аргументами для проведения репрессивной внутренней политики и анти-западной политики внешней»¹⁴.

В такой интерпретации консерватизм – всего лишь инструмент политической технологии, призванной отвлечь массы от реальных проблем, оправдать репрессивную внутреннюю и анти-западную внешнюю политику. Задаваясь вопросом, насколько этот инструмент эффективен и не является ли он тем, что можно обозначить как «self-delusional mirage» (саомобманывающий мираж), они дают такой ответ:

«Принятие Кремлем новой «консервативной» идеологии и проведение в жизнь этого консервативного политического проекта по всей видимости принесло ему в краткосрочной перспективе желаемые результаты. Однако в долгосрочной перспективе, напротив, последствия могут оказаться неблагоприятными для властей»¹⁵.

Признание столь критично настроенных авторов в том, что Кремлю с помощью «консервативного поворота» удалось в краткосрочной перспективе достичь поставленных целей, заслуживает особого внимания. Хотя бы потому, что предполагает не только целенаправленную властную манипуляцию, но и наличие определенной готовности со

¹⁴ Rodkiewicz W & Rogoża J., The Politics of the Putin regime // Russian Analytical Digest. №171, 14 июля 2015.

¹⁵ Ibid., p. 4. Причины этих неблагоприятных последствий авторы видят в материалистической ориентации большинства элит, не готовых жертвовать благополучием ради «консервативных ценностей», в пассивности масс, готовых совершить очередной идеологический «поворот» под воздействием власти и, наконец, в цинизме самой власти, строящей с помощью «консерватизма» очередную «потемкинскую деревню».

стороны огромного большинства принять новые правила, если угодно, «идеологической игры».

Иными словами, к середине второго десятилетия XXI века у Кремля получилось то, что он тщетно пытался проделать 20 лет назад. А именно: сложился общенациональный если не идеологический консенсус, то прагматический компромисс на достаточно широкой платформе «консервативных ценностей». И это – безусловно, новый уровень национальной консолидации, а точнее – важнейший шаг в направлении той интеграции «общества» и «власти», которая только и может стать реальным фундаментом российской постсоветской государственности.

В этой связи стоит отметить, что даже некоторые либеральные российские аналитики в целом весьма критично относящиеся к нынешнему режиму, признают историческую подготовленность «консервативного поворота». В частности, российский журналист и руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги Андрей Колесников пишет:

«В политическом смысле спрос на консервативную идеологию снизу и готовность предлагать ее сверху в качестве почти государственного мировоззрения и одобряемого свода правил мышления и поведения шли параллельно. В результате в марте 2015 г. 49% россиян считали главной заслугой Путина возвращение стране статуса великой державы. Конечно, в политической реальности лучше всего работает «экономика предложения»: консервативная идеология, предложенная властью, сформировала – за полтора десятка лет – стабильный и высокий спрос на нее. Хотя, еще раз повторимся, после почти десятилетия общественно-политического транзита, трансформационного кризиса, ломки социально-экономического уклада спрос населения на нечто абстрактно «консервативное» уже был, и это стало заметно на рубеже XXI в.»¹⁶

А. Колесников так же ставит вопрос о том, насколько серьезен этот поворот в долгосрочном плане, но, в отличие от польских коллег, он рассматривает шансы на замену «консервативного проекта» – «либеральным». Иными словами, в очередной раз задается самым «проклятым вопросом» всех российских либералов: когда же, наконец, состоится «российская модернизация»? И его ответ, по сути, заключается в том, что только тогда, когда закончится подмена «реальности» – «идеологией». Поскольку

¹⁶ Колесников А., Российская идеология после Крыма. Пределы эффективности и мобилизации // Московский Центр Карнеги. 7 июля 2015 г., <<http://carnegie.ru/2015/06/30/ru-60606/id19>>.

«модернизация начинается с избавления от мифологического и сакрального мышления, с ментального и этического отрезвления и возвращения к правде и реалистичному отношению к действительности. Дальше уже появляется возможность формирования не утопии и новой идеологии, а образа будущего и стратегической программы, предполагающей наличие цели движения и дорожной карты»¹⁷.

В этом хотя и весьма критичном, но достаточно объективном анализе присутствует одна проблема. Она заключается в том, что появление консерватизма как своего рода «национальной идеологии» рассматривается одновременно и как естественный процесс, подготовленный всей постсоветской эволюцией России, и как «противоестественный» процесс – результат властной манипуляции массовым сознанием. «Власть» при этом понимается как нечто, массам навязанное (очевидно – самой же властью), в том числе и посредством такой идеологии как «консерватизм». Иными словами, многие аналитики работают в парадигме «авторитарного режима» и потому воспринимают все, что происходит в области поисков новой, постсоветской национальной идентичности как разновидность властного «насилия» над обществом¹⁸.

Однако, как признает тот же А. Колесников, «консервативный поворот» в России осуществлялся в режиме «улицы с двусторонним движением»: власть и общество (его значимое большинство) сошлись на консерватизме как на окончательной формуле «социального контракта». И этот контракт вовсе не «Крым и духовные скрепы в обмен на свободу», как утверждает А. Колесников.¹⁹ На самом деле он выглядит так: власть признает за обществом *право* на моральный консерватизм, общество считает *обязанностью* власти проведение консервативного внутри- и внешнеполитического курса. Это как раз и есть формула реальной общественной свободы, которую создает для себя каждый народ, обладающий действительно суверенной государственностью.

¹⁷ Там же, с.31.

¹⁸ См. например, как само собой разумеющееся упоминание о «времени авторитарного консерватизма в российской внутренней политике»: *Lo B. Frontiers New and Old: Russia's Policy in Central Asia // Russie.Nei.Visions* №86 января 2015, <www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_82_central_asia_bobolo_eng_january_2015_0.pdf>.

¹⁹ *Колесников А.*, Российская идеология после Крыма... Op. cit [16].

Куда ведет «консервативный поворот»?

Приведенная в начале статьи идейная автохарактеристика Владимира Путина есть по сути персонализация этого нового социального контракта. Путинский прагматизм опирается на консервативный моральный фундамент. Это значит, что формулируя основные направления внутренней и внешней политики, он ставит фундаментально моральные цели²⁰. Именно поэтому рейтинги доверия и одобрения деятельности российского президента по опросам всех социологических служб показывают уже полтора года значения, вдвое и втрое превосходящие рейтинги всех ведущих западных политиков.

Однако этот факт вовсе не означает, что все российское общество поголовно сделалось консервативным. Это не так – и на элитном, и на массовом уровне. Вот, например, замечательное признание одного из ближайших соратников Владимира Путина, первого вице-преьера российского правительства Игоря Шувалова:

«Понимаю, в политическом процессе иногда важно кого-то назвать либералом, кого-то консерватором или как-то еще. Уверяю, в Правительстве нет ни либералов, ни консерваторов. Как бы меня ни называли, я всегда был и остаюсь прагматиком. Мне все равно, чьи идеи – либеральные, коммунистические, справедливороссов, «Единой России». Если они интересны, полезны, помогут улучшить нашу жизнь, укрепить экономику – я буду с ними работать. Главное тут, чтобы несъедобный винегрет не получился.»²¹

Нельзя не отметить, что это – достаточно парадоксальное утверждение с учетом того, что

²⁰ Одним из ярких примеров политической экспликации морального консерватизма является следующий пассаж из Ежегодного Послания Федеральному Собранию РФ от 18 марта 2014 г., в котором Путин открыто заявил, что «для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение. Так же, как Храмовая гора в Иерусалиме для тех, кто исповедует ислам или иудаизм». Послание Президента Федеральному Собранию // <Kremlin.ru>. 4 декабря 2014, <www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/47173>.

²¹ Выступление на правительственном часе в Госдуме, 30 января 2015 г., <www.russia-today.ru/article.php?i=1294>

правительство возглавляет Председатель партии «Единая Россия» Дмитрий Медведев. Но парадокс этот объясняется следующим образом. Как уже отмечалось раньше, для самой «Единой России» в последнее время характерно некоторое дистанцирование от самоопределения в качестве партии консерваторов. И дело в том, что, несмотря на действительно присущий рядовому избирателю моральный консерватизм, массовое восприятие самого определения «консерватор» остается весьма расплывчатым. Именно это зафиксировали социологи ВЦИОМ в докладе «Туманный образ российского консерватизма», представленном в мае 2014 г.²²

Так, на вопрос «Что первое приходит Вам в голову, когда Вы слышите слова «консерватор», «консервативный человек?» позитивные характеристики дали 38% опрошенных, негативные – 32%, а 31% вообще затруднились с ответом. На вопрос о том, является ли оценка кого-либо в качестве консерватора положительной или отрицательной, за положительную высказались 43%, за отрицательную 37%, а затруднились определиться 21%.

Интересная динамика в восприятии консерватизма наблюдается в период с ноября 2003 г. по февраль 2014 г. Число тех, кто считает, что консерватизм «это то, что позволяет сохранить обычаи и традиции страны, существующий общественный строй и двигаться вперед без рывков и потрясений» выросло с 44 до 56%. Но в то же время число тех, кто полагает, будто консерватизм «не позволяет обществу двигаться вперед» тоже выросло – с 27 до 31%. Столь же показательна динамика в изменениях ответа на вопрос «Вы лично симпатизируете идеям консерватизма или нет?» В 2003 г. тех, кто ответил «определенно да» и «скорее да» было 37%, а тех, кто «скорее нет» и «определенно нет» – 33%. Затруднившихся было 30%. В 2014 г. определенно и скорее «да» ответили 48%, определенно и скорее «нет» – 35%. Затруднившихся осталось 17%.

Эти цифры показывают, что, несмотря на очевидный рост симпатий к консервативным идеям, отношение к идеологическому бренду «консерватор» остается крайне амбивалентным. И это значит, что для превращения консерватизма в национальную идеологию, действительно задающую приоритеты для внутренней политики и внешнеполитического курса, Кремлю необходимо будет эксплицитировать то пока еще непроявленное содержание, которое содержит в себе этот мета-нарратив. Причем содержание, относящееся не к сиюминутным дискурсивным

²² Туманный образ российского консерватизма // ВЦИОМ. 2014 г., <http://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2014/2014-05-16-konservatizm.pdf>.

практикам (противостояние вызовам либеральной оппозиции, поддержание легитимности режима и т.п.), а именно к метаязыковому, содержащему долгосрочные стратегические цели.

Будет ли это сделано и как именно – остается неясным. Но уже сейчас можно предположить, что такая экспликация могла бы осуществиться, по крайней мере, в трех основных направлениях. Два из них относятся к долгосрочным целям внутренней политики и одно – к долгосрочному внешнеполитическому курсу.

Во-первых, стратегически значимое продолжение нынешнего «консервативного поворота» могло бы осуществляться как продолжение бывшего актуальным 10 лет назад дискурса «суверенной демократии». Но в принципиально новых условиях и с принципиально иным смыслом. Напомню, что это термин, введенный в оборот в 2004 г. Романо Проди, был применен в российских условиях с одной целью – провозгласить суверенное право России на независимость от любого *внешнеполитического* диктата. Сегодня возвращение к дискурсу «суверенной демократии» имело бы акцентированно *внутриполитический* характер.

Один из смыслов «консервативного поворота» заключается в том, что таким образом власть обращается к значимому большинству российских граждан как к конституционному «суверену» с принципиально новой целью. А именно, предложить ему стабильный формат политического участия не в качестве только раз в несколько лет голосующего «статиста», а в качестве реального «заказчика» *собственного* политического курса и соответствующих политических лидеров. Таким образом, в российской истории последних ста лет впервые у народа появляется возможность перестать быть пассивной «массой», которую ведут в «светлое будущее», то «просвещенные» коммунисты в 1917 г., то «просвещенные» либералы в 1991 г.

Иными словами, консерватизм как идеологически оформленная национальная идентичность становится способом самопрезентации народа в качестве суверена в том смысле, который сформулировал еще Ж.-Ж. Руссо в трактате «Об общественном договоре». И каким бы «странным» и каким бы неприемлемым по канонам западных либеральных демократий и по вкусам российского либерального меньшинства ни казался российский народ в своем *выборе* образа жизни, моральных норм и политического порядка – это его суверенное право. Консерватизм здесь так же может рассматриваться инструментально. Но уже не как «инструмент Кремля», а как инструмент народа, позволяющий закрепить его суверенное право выбирать траекторию собственного развития.

Вторым внутривнутриполитическим направлением экспликации стратегического потенциала «консервативного поворота» может стать новая модель интеграции культурного плюрализма в рамках весьма специфического российского федерализма. Утвержденный *de jure* Конституцией РФ 1993 г. принцип федеративности российского государства на самом деле весьма далек от того, чтобы считаться таковым *de facto*. Уникальное (сравнимое, вероятно, только с Индией) этноконфессиональное многообразие России – это одновременно и мощный ресурс развития, и источник серьезных проблем. Косвенным признанием этого является создание в марте 2015 г. Федерального агентства по делам национальностей.

Первостепенную задачу этого агентства его руководитель Игорь Баринов описал как создание многоуровневой системы мониторинга, анализа и прогнозирования межнациональных, межконфессиональных конфликтов, которая позволит «не просто констатировать постфактум то или иное уже свершившееся событие, а...заранее понимать, где угроза, где накапливается какая-то критическая масса, которая может привести к межнациональному или межконфессиональному конфликту»²³.

Безусловно, снижение конфликтогенного потенциала в российских регионах – это то, что необходимо делать в краткосрочном плане. Но долгосрочная стратегия в этом вопросе может строиться на том, чтобы попытаться использовать консерватизм как инструмент легитимации нередуцируемого этнокультурного и религиозного своеобразия не только так называемых «национальных республик» в составе федерации, но и всех ее субъектов. Именно здесь может быть продуктивно использован тезис Владимира Путина о России как особой цивилизации, выдвинутый им еще в период президентской избирательной кампании в январе 2012 г. В своей статье «Русский вопрос» он писал тогда: «Самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром». По сути, это формула «третьего пути» – между западным проектом мультикультурализма, который, по мнению Путина провалился, и вызовом альтернативного проекта «национального государства», который строится «исключительно на этнической идентичности»²⁴.

²³ Встреча Дмитрия Медведева с руководителем Федерального агентства по делам национальностей Игорем Барининым // <government.ru>. 29 июля 2015 г., <<http://government.ru/news/19081/>>.

²⁴ В. Путин. Россия сосредотачивается. Ориентиры // ОЛМА Медиа Групп. 2012 г., сс. 18-19. Кстати, «провал мультикультурализма» зафиксировала и канцлер ФРГ Ангела Меркель своей знаменитой фразой: “Multi-Culti ist Tot”.

По сути дела федерализм, доставшийся новой России в наследство от большевиков, может в консервативной интерпретации получить принципиально новые стимулы для своего развития. В Советском Союзе действовал принцип, согласно которому все республики (союзные и автономные в составе РСФСР) являлись «национальными по форме и социалистическими по содержанию». И согласно представлениям партийных идеологов в перспективе все национальное должно нивелироваться с тем, чтобы появилась «новая историческая общность» – *безнациональный «советский народ»*. Как известно, именно подъем национальных движений, спровоцированный Перестройкой, оказался одним из факторов, взорвавших СССР изнутри. Учитывая этот урок, прежнюю советскую формулу можно было бы перевернуть, определив российскую цивилизацию как федерацию субъектов – национальных по содержанию и консервативных по форме.

И, наконец, вероятное третье приложение российского «консервативного поворота» обозначается в очевидном сдвиге внешнеполитических приоритетов на Восток и в Азиатско-Тихоокеанский регион в особенности. В ряде цитированных выше работ уже отмечалось, что консервативный дискурс Кремля имеет своим адресатом западных политиков в основном правого фланга. И там он действительно встречает благоприятный (в отличие от западного политического мейнстрима) отклик.

Но разворот в Азию сулит для российского консервативного дискурса совершенно иные перспективы. Путинская формула консерватизма – развитие с опорой на национальные традиции – практически идеально соответствует как опыту уже состоявшихся азиатских модернизаций (Япония, Республика Корея, Тайвань, Сингапур), так и намерениям и надеждам следующих азиатского Востока и Юго-Востока. И главным образом, эта формула вполне отражает опыт основного для современной России стратегического партнера – КНР.

Да, компартия Китая строит социализм с китайской спецификой, но именно эта специфика позволяет осуществлять модернизацию эволюционным, а не революционным путем. И не случайно на прошлом заседании Валдайского клуба один из ведущих китайских интеллектуалов профессор Фэн Шаолей задал вопрос президенту Путину о своеобразии российской концепции консерватизма, а также о том, «будет ли это доминирующая концепция для модернизации России или временная для некоторого

определенного периода?»²⁵: ответ Путина на этот конкретный вопрос приведен в начале статьи. Но ответ на вопрос самой статьи нам еще предстоит узнать.

²⁵ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // <Kremlin.ru>. 24 октября 2014, <<http://kremlin.ru/events/president/news/46860>>.

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

В 2005 году в Брюсселе открылась европейская антенна ИФРИ. ИФРИ-Брюссель является одним из редких французских мозговых центров (*think tank*), прочно занявших своё место в европейском дебате.

Благодаря междисциплинарному подходу своих исследований и привлечению к дебатам политиков, руководителей предприятий, научных работников и экспертов международного уровня, ИФРИ способствует развитию новых идей и принятию решений.

*Ответственность за мнения, высказанные в данной статье,
возлагается исключительно на её автора.*

ISBN: 978-2-36567-505-5

Центр Россия/ННГ

©Droits exclusivement réservés – Ifri – Paris, 2015

Ifri
27, rue de la Procession
75740 Paris Cedex 15 – FRANCE
Tél. : +33 (0)1 40 61 60 00
Fax : +33 (0)1 40 61 60 60
Email : accueil@ifri.org

Ifri-Bruxelles
Rue Marie-Thérèse, 21
1000 – Bruxelles – BELGIQUE
Tél. : +32 (0)2 238 51 10
Fax : +32 (0)2 238 51 15
Email : info.bruxelles@ifri.org

Website: ifri.org